

русский
пионер

16+

Милосердие

№1(107) февраль–март 2022

литературный иллюстрированный журнал

Клятва главного редактора стр. 8

первая четверть

*Урок зоологии. Про карпа в ванной. **Андрей Макаревич** о рыбьей милости на Волхонке стр. 14*

*Урок кино. Земля без кожи. **Юлия Пересильд** о том, сколько раз над ней в космосе смилостивилась судьба стр. 18*

*Урок истории. Милость милостынею. **Иосиф Райхельгауз** про скользкое и липкое, с растянутыми губами на букве «и» стр. 20*

*Урок уроков. Вишневый сад для папы. **Александра Захарова** про живой спектакль и неувядающих Снегурочек стр. 24*

*Урок правды. Лев зимой. **Дмитрий Быков** про старость как милость стр. 28*

вторая четверть

Пионер-герой. После угля. Корреспондент «РП» прощается в Кузбассе с угольной эрой стр. 36

Следопыт. Король в пустыне. Обозреватель «РП» улучшает историю мира стр. 48

третья четверть

Диктант. Вне милости. В тему номера стр. 60

Дневник наблюдений. Кто там (письменная работа).

Шеф-редактор «РП» в Музее истории ГУЛАГа стр. 62

Урок географии. Из Америки с любовью–3.

***Иван Соколовский** продолжает открывать USA стр. 72*

*Сочинение. Других идей нет. Рассказ **Майка Гелприна** стр. 80*

четвертая четверть

Урок мужества. Посмертный бросок. Обозреватель «РП» о коварстве передней подножки стр. 92

Фотоувеличитель. Две из пяти дорог. Образы неволи стр. 98

пятая четверть

Пробел. Новая четверть для новой литературы. Первая антология литературных сочинений нейросетей *стр. 112*

группа продленного дня

Правофланговый. Не в сиськах счастье. **Виктор Ерофеев** про золотую цепь и милость начальства *стр. 136*

Правофланговая. Топот ног и тараканий шорох. **Ольга Ускова** о том, что мы все бежим за милостью *стр. 138*

Пионервожатая. Смотри выше. **Дарья Белоусова** про свои 24 *стр. 142*

Пионервожатый. Я не умею милости просить. **Кирсан Илюмжинов** со стихами в тему номера *стр. 146*

Звеньевой. Ибо сам себе я не мил. **Максим Кучеренко** о том, что пьяные боги добры к человеку *стр. 148*

Центровой. Шкаф Боброва и ружье Тарасова. **Александр Горбунов** про спорт милующих и помилованных *стр. 150*

Отличник. За кадром. **Сергей Петров** про милость к Мажору *стр. 152*

Горнист. Мужик на вернисаже. **Вита Буйвид** о массажном милосердии *стр. 154*

Всегда готово. Баланда о вкусной и здоровой. Обозреватель «РП» знакомит с тюремным меню *стр. 156*

Внеклассное чтение. Последняя услуга. Рассказ **Павла Астахова** *стр. 162*

Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 175*

Всегда готов!

Первая четверть.

Урок зоологии. Про карпа в ванной. **Андрей Макаревич** о рыбьей милости на Волхонке. *Урок кино.* Земля без кожи.

Юлия Пересильд о том, сколько раз над ней в космосе смилостивилась судьба. *Урок истории.* Милость милостынею.

Иосиф Райхельгауз про скользкое и липкое, с растянутыми губами на букве «и». *Урок уроков.* Вишневый сад для папы.

Александра Захарова про живой спектакль и неувядающих Снегурочек. *Урок правды.* Лев зимой. **Дмитрий Быков** про старость как милость.

Про карпа в ванной

текст: андрей макаревич рисунок: наташа монастырская

Поэт и музыкант **Андрей Макаревич** рассказывает нам про одну мнимую милость, про милость к карпу, живому и обреченному, про карпа в ванне, оттого и милость к нему — мнимая, но все-таки милость, тем более что в пять лет, слава Богу, не думаешь, какая именно она, а просто жалеешь и сострадаешь.

ИНТЕРЕСНО ДЕЛО обстоит со словом «милость» и всеми его производными.

Слово уходящее, это понятно. Но уходя, оно еще как-то девальвируется, вы заметили? «Ну как фильм? Хороший? — Да нет. Милый...»

А ведь еще вчера слово «милый» означало «дорогой, любимый, близкий душе, сердцу, славный, привлекательный»...

Сегодня определение «миленький» звучит практически как оскорбление. Или, не дай бог, «умиление»: «Увидя это, он впал в умиление». Нет, лучше деньгами, честное слово.

От «милости» недалеко до «милостыни». Казалось бы — доброе, благое дело, но не могу отделаться от ощущения, что процесс этот неловок, унизителен для обоих — и для подающего, и для принимающего. Что не так?

Главная православная молитва, Иисусова молитва, взывает: господи Иисусе Христе, спаси и помилуй мя! Что ты такого успел наворотить, что нуждаешься в помиловании?

Промежуточные повороты судьбы, если они совпадают с нашим представлением о прекрасном, мы принимаем за божью милость. «Господи, яви милость! Хочу “мерседес”!» Просил, просил — бабах! Вот тебе «мерседес». А через две недели ты на этом «мерседесе» вделался в столб — оба в лепешку. Так в чем состояла суть божьего замысла? А ведь если по-хорошему, милость — это доброе, великодушное отношение к ближнему, сострадание — качество исключительно человеческого. Хотя мы постоянно пытаемся приписать его животным (на самом деле это свидетельство жуткого эгоцентризма человеческой расы: мы хотим, чтобы животные были похожи на нас, мы навешиваем на них наши реакции и эмоции). Вот уже и дельфины спасают утопающих. Ну да, спасают, когда, играя, толкают их к берегу. А в по-

От «милости» недалеко до «милостыни». Казалось бы — доброе, благое дело, но не могу отделаться от ощущения, что процесс этот неловок, унизителен для обоих — и для подающего, и для принимающего.

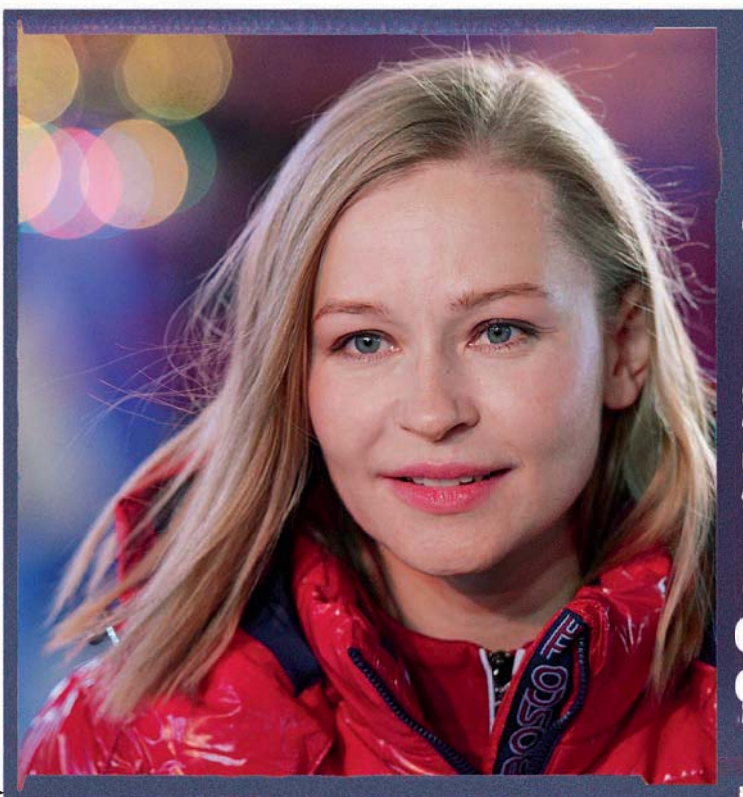

ловине случаев, играя, толкают их в противоположную сторону, и ни спасением, ни милостью там не пахнет. Да, волчица оберегает своих волчат, но это инстинкт, голос природы. Так что оставьте вот это вот: «лисичка миленькая, а лев вон какой страшный!». Не уродуйте психику детей. Все без исключения животные прекрасны, но в их жизненном кодексе отсутствует понятие «милость». Увы.

В нашей коммунальной квартире на Волхонке жило всего четыре семьи. Так что с одной ванной-душем вполне управлялись. Висело на фанерной дверке расписание, принятое на общем собрании, — сколько времени дается каждой семье в утренние часы: кажется, по пять минут на рыло. Сама ванна была пятнистая и щербатая, как морская черепаха, над ней висела газовая колонка, из которой торчала изогнутая трубка душа. Ванну эту, сдается мне, и не наполняли для омовения никогда — не बारे. Вставляли ногами и поливались сверху. Но иногда мама покупала в «Гастрономе» живого карпа — если их завезли и очередь не превышает пределы разумного. Полуживые карпы толкались в огромном аквариуме со стеклянной стеной, и я мог, уткнув лоб в холодное стекло, наблюдать за ними бесконечно. Продавец в грязном белом халате выхватывал карпов из воды большим сачком и бросал их на весы — на толстую коричневую бумагу. Если

карпы прыгали, их били по голове деревянной колотушкой. Колотушка помогала плохо, и когда коричневую бумагу разворачивали уже дома на столе, карп выпрыгивал оттуда, вызывая мамин визг. И тогда я брал холодного скользкого карпа в руки и шел в ванную. Дискутировать со мной в этот момент было бесполезно. Я осторожно клал карпа в ванну, затыкал отверстие черной резиновой пробкой и открывал воду. Карп начинал важно плавать по ванне, а я замирал от восторга — не умер! Обычно карп занимал ванну пару дней, и знаете — никто, включая соседей, ни разу не сказал мне, что я только продлеваю страдания несчастной рыбины и что ванна вообще-то для того, чтобы мыться. Как вся квартира мылась эти дни, мне неизвестно — видимо, над раковиной, под малое декольте. Я не могу вспомнить, как карп исчезал из ванной — этого никогда не случалось на моих глазах, а я, видимо, к этому моменту уже боролся с другой мировой несправедливостью. Было мне лет пять.

А знаете, почему милость присуща только людям? Потому что Всевышний создал всё сущее, но только нас — по своему образу и подобию. И милость — это голос Всевышнего у нас внутри. И он становится тише и тише — мы сами прикручиваем громкость. Так удобнее. **ИД**

Земля без кожи

текст: юлия пересильд рисунок: ольга аверина

К актрисе **Юлии Пересильд** судьба оказалась милостива, и в космос она полетела, хоть и не верила в это никак до последнего мгновения. А ведь некоторые мгновения в космосе и правда казались ей последними. И в колонке она честно рассказывает, какие. Но зато она оценила, как на самом-то деле космос милостив к Земле. Это ведь только из него и видно.

«НЕ-Е-Е-ЕТ!» — такая реакция встретила меня дома, когда я рассказала родным, что лечу в космос. Да я и сама до последнего не верила, что окажусь на МКС. Но судьба смилостивилась, и полет, по итогам которого уже через год выйдет фильм «Вызов», все-таки случился.

Что это были за космические двенадцать дней? И почему меня не тянуло на Землю? Если бы мне десять лет назад сказали, что я полечу в космос? Невозможно в это поверить. Я до самой последней секунды боялась только одного — что сейчас мы подойдем к ракете, и вдруг откуда-нибудь выскочит съемочная группа: «Здравствуйте! Это программа «Розыгрыш»! Спасибо». Я все время думала: неужели это будет такая жестокая шутка?

На самом деле все — от подготовки до возвращения — произошло очень быстро. Когда по «Первому каналу» объявили, что ищут актрису для полета в космос, президент моего благотворительного фонда Лиза Муравкина позвонила мне, а это было три часа ночи, и заявила: «Ты заявку подала?» — «Какую заявку, Лиза?» — «В космос». Я говорю: «Ты что, сошла с ума?» — «Ты должна полететь! Я узнаю, что нужно для заявки, и тебе сообщу!» И это было настолько безапелляционно, что я действительно эту заявку отправила. А потом в Грузии я получила благую весть. Мне позвонили: «Давайте вы попробуете пройти медицинскую комиссию». Пятнадцатого апреля я прошла медицинскую комиссию. С пятнадцатого апреля по двенадцатое мая меня трясло, и я не понимала, что делать. Мне надо было график спектаклей в Театре Наций подавать. Или я в космос лечу? Я никак не могла определиться. Андрюша Бурковский все время говорил: «Давай на июнь три «Солнечные линии» поставим». Я отвечала: «Я не знаю. Я не знаю, где мы будем. На Байконуре?» Эта подготовка была совершенной неожиданностью, но... Отказаться? Нет, речи об этом не шло! Для меня это, помимо всего прочего, было неким исследованием. Гонкой, если хотите. Но точно не могло быть первостепенным делом, потому что это все равно риск, это риск для жизни. Нам же с Климом и на Земле было неплохо! Это потом уже, в космосе, я переживала, что дней-то для съемок там всего двенадцать!

Хотя уже в самом начале полета, после того как произошла ручная стыковка (я очень надеюсь, что наш командир будет как-то награжден за нее и это не пройдет незамеченным, как иногда бывает в нашей стране), мы успели снять сцену. А потом вдруг авария первого порядка, авария второго порядка, вход в тень, выход из зоны связи... Помню это как сейчас. Я посмотрела на Клима и подумала: «Ой, как жалко, нам

всего 37 лет... Еще столько могли всего сделать». Клянусь, вот такое у меня было состояние: просто досадно. Я повернулась и сказала: «Я готова приступить к расчетам». К каким расчетам? Что я сказала? А потом мы летели — прилетели — пошли в туалет — переодели скафандры. Все нас встречали, обнимали, целовали. Вот это я уже как-то плоховато помню. Врач нашего экипажа Вадим Шевченко много раз мне повторял: «Если ты почувствуешь себя плохо — болит голова, все что угодно, — ты должна сразу лечь спать». Я спросила, нужна ли моя помощь, открыла дверь каюты — Олег Новицкий отдал мне свою каюту, — повисла, и... моя первая ночь в космосе наступила. Все, следующий кадр был в шесть утра, и мне уже было хорошо. Мне в космосе снилось очень много снов, и ужасно, что не было времени их записывать. Несколько раз ко мне приходил один и тот же сон: я потеряла какую-то резинку для волос, какую-то мелочь, и все, мы без нее не можем снимать. И все на меня смотрят, и все ждут, пока я ее найду.

У нас в реальности для съемок было очень много медицинского реквизита. В результате эти сны закончились тем, что все медицинские укладки — это небольшие сумочки для полета — я убрала под ноги к себе в каюту, чтобы они лежали около меня, пока мы все медицинские сцены не снимем. Я из-за них больше всего переживала.

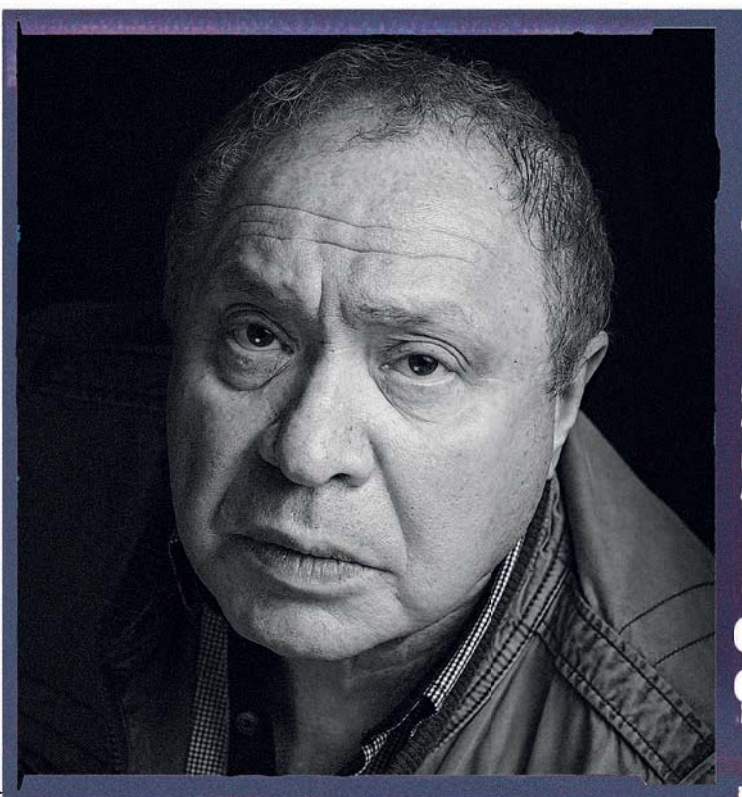
Еще я не закрывала иллюминатор в каюте, хотя мне все говорили его закрыть: день-ночь слишком быстро меняются, каждые сорок пять минут. А я думала: вдруг, как раз проснусь, увижу что-нибудь красивое. Но у нас толком не было времени смотреть на Землю. И это то, из-за чего я невероятно грустила и не хотела возвращаться. Я в свободные минуты рассматривала ее и думала: «Она такая беззащитная, безоболочная. Она такая, без кожи. Земля... Земля...» У меня какое-то очень материнское чувство возникло к ней.

Общалась с ней, как и со своими детьми, — до последнего момента пребывания на МКС. У своих детей, правда, еще уроки проверяла дистанционно. Они, кстати, пока я не вернулась обратно, вообще не подавали виду, как на самом деле волнуются за меня. Они героически давали интервью, что-то делали. У старшей внутри был такой накал страстей, что она даже записала песню, которую назвала «Вызов». А потом я приехала домой, дети меня встретили и вдруг обе разрыдались. Я подумала: вот такой у них выход произошел из всей этой истории. Хотя они как будто очень героически и весело проходили этот путь. Ведь на самом деле до полета нас чем только не пугали. Правда. Но потом обязательно подходил Олег Артемьев и говорил: «Спокойно. Все будет хорошо». Это было здорово, потому что наш командир Антон Шкаплеров и командир дубль-экипажа Олег Артемьев на сотни вопросов, наших страхов, рассказывали тысячу случаев про то, как кто-то ошпарился кипятком, кто-то не включил АСУ (ассенизационное устройство, по-русски — туалет), и нам сразу становилось чуточку спокойнее. Но надо сказать, что по итогам мы на станции ничего не сожгли, не испортили, не сломали АСУ! Экипаж должен подтвердить мои слова. Клим мечтал попробовать себя в роли оператора, он это сделал. Смешно, перед посадкой Олег Новицкий ногами его заталкивал в люк, а тот еще продолжал снимать. У него отобрали камеру, потому что это уже выходило за всякие рамки, а он еще пытался спустить обратно хотя бы объектив, но тоже, конечно, безуспешно.

А вот что касается меня, я никогда не думала, что мечтаю попробовать себя в роли скрипта, реквизитора, костюмера и гримера. После всех наших съемок у меня возникло чувство невероятного уважения к этим людям на съемочной площадке. Потому что это, конечно, колоссальный труд, который мы зачастую не видим. У меня, к примеру, был маленький пул косметики, которая поместилась в укладку «Комфорт», она размером с аптечку. И вот на каждую, даже на самую маленькую деталь карандаша для бровей пришлось наклеивать «велкро», то есть липучку. В каюте у меня все висело на «велкро». Потому что, если ты, пока бровь подводил, пока в зеркальце смотрел, задумался и забыл про карандаш, больше ты его никогда не увидишь. Ни-когда. Я даже когда на Землю вернулась, где-то неделю ходила, все крепко держала в руках. Интересные ощущения.

Вообще, когда мы только прилетели на станцию, у нас было много вариантов, как осуществлять эти съемки. Но космос показал нам, что на самом деле мы не знаем, что он за пространство. А оказалось, он очень благоприятная среда для кино. И предположить, что наши сцены будут сняты так, как они уже сняты, было невозможно. Каждый день космос подкидывал нам какие-то невероятные неожиданности. Возможно, зритель, увидев это на экране, приблизится к нему, почувствует. Здорово, если у нас получится. Ведь это пространство правда прекрасное. Мне там все время хотелось петь. Я вернулась, и мне хочется продолжать петь. То пространство требует песни. И моя душа требует песни. **ru**

Милость милостынею

текст: иосиф райхельгауз рисунок: анна всесвятская

Из колонки постоянного автора «Русского пионера» режиссера **Иосифа Райхельгауза** очевидно: он недолюбливает слово «милость». Но если вчитаться, ясно, что милость ему не нравится не за милосердие, а за милостыню. Не за любовь, что тоже есть милость, а за снисхождение, унижительное и нестерпимое. И слово не нравится, и дело, которое за этим словом следует.

«ОНА миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, — и уже суровый прельститель ее покидал ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нем не бывало слуху. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь ее была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из *милости* только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами...» Это строчки Николая Васильевича Гоголя из повести «Тарас Бульба», прочитанные в детстве, потрясли и прочно поселили в сознании убеждение: милость — это ужасно. «Она видела из милости только оказываемые ласки...» Да что ж это такое? Это же кошмар! Как могут быть ласки «из милости»? Без наслаждения, без лобзаний?.. Не мог этого понять и принять. Неслучайно поэтому слова этого нет в моем лексиконе. Если и произношу его, то с определенной долей гротеска, иронии, а еще чаще — досады и раздражения. И вот — тема от «Русского пионера». Хочешь не хочешь, приходится мусолить это маслянистое понятие, скользкое и липкое, с растянутыми губами на букве «и», стыдливым мягким знаком в конце и непременным лицемерным взглядом «долу». Русская литература предлагает множество вариаций — от «милость к падшим призывал» к «смилуйся, государыня-рыбка». Где-то в недрах подсознания звучит безадресный стон «помилосердствуйте, Христа ради», а рука тянется к гусиному перу, чтобы вывести каллиграфическим почерком Башмачкина всплывшую откуда-то из Салтыкова-Щедрина цитату: «Милостивый государь... Не соблаговолите ли допустить побеседовать? тоска смертнейшая-с!» И вот этот «словоерс» в конце еще больше подчеркивает уничижительную интонацию, заложенную в слове «милость» и его однокоренных собратях. Любой словарь наврет, что понятие «милость» наполнено позитивом и благими намерениями. По мне — так как раз теми, которыми дорога в ад вымощена. Недавно понадобилось материально помочь близкому человеку. Понимал — он реально в этом нуждается. Казалось бы, что может

Любой словарь наврет, что понятие «милость» наполнено позитивом и благими намерениями. По мне — так как раз теми, которыми дорога в ад вымощена.

быть проще — вынуть из кармана деньги и вручить ему. От такой мысли отказался сразу: понял, что это будет унижением и даже оскорблением. Придумал хитрый ход — дал

некое поручение, после выполнения организовал «выплату премии». У друзей сын женился в 18 лет. Вопреки желанию родителей. Но ведь дитя родное — надо как-то помочь. И вот мама разработала целую схему. Договорилась с подругой, работавшей копирайтером, чтобы она наняла парня в «ассистенты». Тот выполнял поручения, писал какие-то тексты, а подруга ему платила. Деньги на «зарплату» давала мама. Прошло 20 лет. Молодой человек возмужал, стал совершенно самостоятельным. Эта история для него до сих пор тайна.

Как режиссер вижу в этой теме конфликтную ситуацию. Слабые пользуются чужой милостью, не отказываются, а даже стремятся получить милостыню — слово однокоренное и очень близкое по смыслу. Практика раздачи милостыни — это ведь не что иное, как налог, который богат добровольно отдает нищему. Налог не в казну, а Богу. Небеса должны оценить степень «милосердия» — ведь «не оскудеет рука дающего», «вернется сторицей» и все такое. Бросил нищему на паперти копеечку, а тебе вернулся рубль. Так что милостыня — своего рода инвестиция в бизнес, которым рулит сам Всевышний. А вот сильные против милостыни восстают. Противостоят ей даже тогда, когда есть риск больших потерь.

В 17 лет я поступил в ЛГИТМиК на курс Бориса Вульфовича Зона, исполнив свою мечту. Вел себя там неправильно — нагло, высокомерно, плохо. Мне казалось, что знаю больше, понимаю глубже, вижу дальше, чем бездарные однокурсники и «отсталые» учителя. Демонстрировал избранность, одним словом. Борису Вульфовичу это надоело, и он решил принять меры. Собрал курс и поставил вопрос о моем отчислении. Однокурсники-режиссеры заклеили меня позором и отчисление поддержали. Однокурсницы-актрисы решили проявить... да-да, милосердие и стали слезно просить Бориса Вульфовича смириться и дать мне шанс. И тут я встал. И взял последнее слово. Сообщил коллективу, что никто из присутствующих не сделает карьеры. Потому что пугливым и дрожащим карьера в театре не светит. А еще пообещал вернуться в стены этого института через 10 лет в качестве известного режиссера. Между прочим, так и случилось. Десять лет спустя в Ленинград приехал «Современник». Была организована встреча студентов ЛГИТМиКа с Галиной Волчек и режиссерами, поставившими в московском театре нашумевшие спектакли, — Валерием Фокиным и мной. И на самом деле, курс этот не дал ни одного заметного артиста или режиссера.

Меня оскорбляет системное появление на радио и телевидении (причем совершенно независимо от идеологической направленности канала или радиостанции) организованного сбора милостыни. Нам показывают больных детей, которым могут помочь адски дорогостоящая операция где-то в Европе, недоступные обычным людям лекарства, уникальные препараты и проч. Причем просьбы эти очевидно обращены к таким же простым людям, смотрящим телепрограммы, — отнюдь не к миллионерам. И возникает вопрос: отчего же государство не проявит милость к своим гражданам, отчего не создаст внятную систему налогообложения, позволяющую обеспечивать социальные программы? Почему оно, находя средства на новейшие системы вооружения, не способно поддержать слабые слои населения, а перекладывает эту функцию на таких же граждан, чуть более крепко стоящих на ногах? Современное общество расколото, и между дающим и берущим — пропасть. ПрОпасть, в которой многим суждено пропАсть. И милостыня для них — единственное спасение. 120-рублевые советские инженеры, слонявшиеся по многочисленным НИИ и фактически получавшие социальное пособие по «скрытой безработице», увы, не трансформировались в средний класс современного капиталистического общества, способного уверенно строить свою жизнь. Мы смеемся над европейцами, которые, приходя в кафе с девушкой, требуют отдельные счета. Нам ближе формат, при котором кто-то, успешный и благополучный, проявит милость и заплатит за всех, ощутив себя при этом хозяином мира.

Размышляя над этой темой, вспомнил строчки поэта-фронтовика Семена Гудзенко, написанные в 1945 году:

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты...

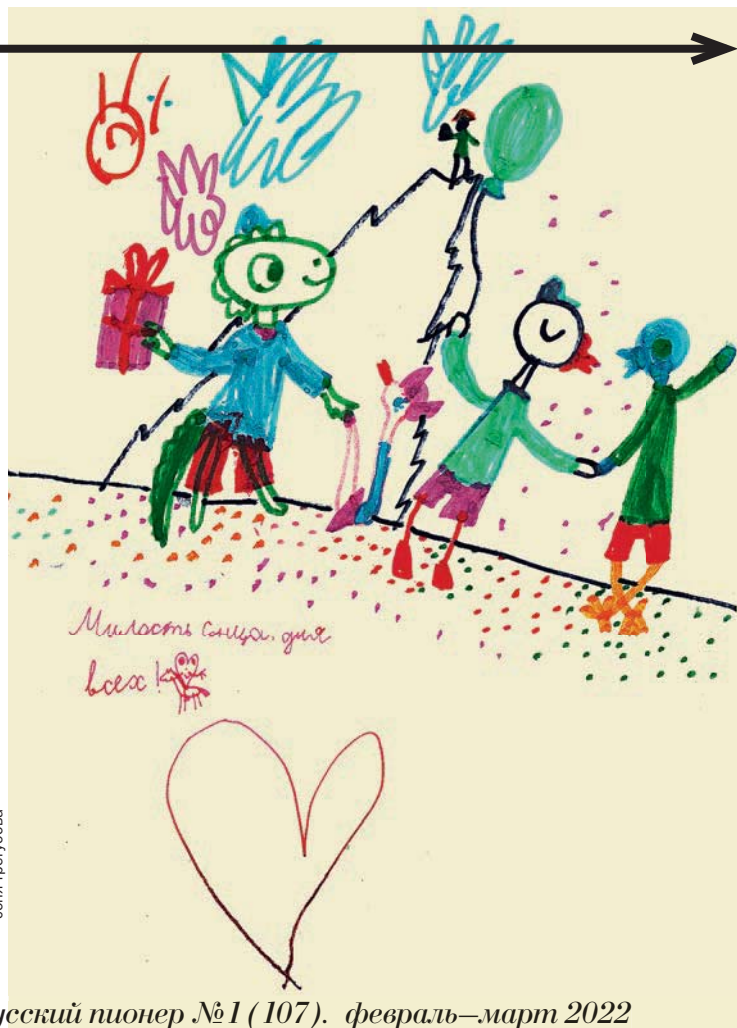
Часто это стихотворение читают неверно, пропуская частицу «б» и лишая высказывание важнейшего смысла, который придает ему сослагательное наклонение. «Мы никого б не жалели...» Сравните — «Мы никого не жалели...» Нет! Поэт говорит от лица тех, кто погиб, не успев проявить или не проявить милость. И он считает, что не проявили бы. Точно мы этого никогда не узнаем, но уверены: высший суд оправдает их за НЕМИЛОСТЬ.

Гудзенко умер в 30 лет — догнало полученное на фронте ранение. Его вдова стала женой Константина Симонова. И вот по странному совпадению история, связанная с Симоновым, которая, думаю, сейчас будет обнародована впервые, для меня олицетворяет понимание милости в ее парадоксально жестоком обликии.

В 60-е годы, когда писательская вотчина Переделькино была уже перенаселена, ряд воевавших писателей и артистов (Зиновий Гердт был в их числе) наделили роскошными земельными участками в Пахре. Там построили дома два великих поэта-фронтовика Александр Твардовский, автор «Василия Теркина», и Константин Симонов, создатель бессмертного «Жди меня, и я вернусь...». Сложные отношения между ними обострились двусмысленностью ситуации вокруг журнала «Новый мир», где главным редактором периодически назначался то Твардовский, то Симонов. Я дружил с детьми Твардовского, театральными художниками Олей Твардовской и Владимиром Макушенко, с которыми выпустил несколько спектаклей. От них знал, что Александр Трифонович сильно пил. От него прятали спиртные напитки, он сердился, выходил на улицу и стучался к именитым соседям в поисках собеседника за бутылочкой спиртного. Однажды зимой, накинув полушубок, взяв в руки массивную трость, он вышел и с силой стукнул в жестяной почтовый ящик, висевший на калитке Симонова. Симонов вышел, держа в руках граненый стакан и бутылку какого-то экзотического для советской действительности напитка, которых в его знаменитом «баре» было множество. Не приглашая собрата по перу в дом, Константин Михайлович налил напиток в стакан и прямо через калитку «милостиво» протянул Твардовскому. Тот ударил палкой по стакану, полетели осколки, до крови ранив «руку дающего».

Эта история помогла мне глубже осознать поэзию Александра Твардовского, негибаемого даже в минуты слабости, не изменявшего себе, не побоявшегося открыто поддержать осужденных поэтов Даниэля и Синявского, отстаивавшего до последних дней оттепельный «Новый мир», написавшего:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же... **ГД**

Вишневый сад для папы

текст: Александра Захарова рисунок: Аксеновы

Актриса **Александра Захарова** делает в этой колонке очень хорошую вещь. Мы видим, как на наших глазах прорастает на ее даче «Вишневый сад», как воздвигаются бумажные стены этого спектакля. Великие режиссеры, актеры и актрисы возвращаются со сцены и становятся просто людьми — с такой судьбой, что никакой Чехов бы не придумал.

НАШ «ВИШНЕВЫЙ САД»

«Господи, Господи, будь милостив, прости мне мои грехи, не наказывай меня больше!» — эта фраза звучит как музыка. Ее произносит Раневская в спектакле «Вишневый сад».

Двадцать первого января 2022 года мы в «Ленком» сыграли свой 200-й «Вишневый сад», наш хрустальный, прозрачный «Вишневый сад» — но теперь уже без моего отца, гениального режиссера Марка Анатольевича Захарова.

Когда у нас появилась дача, небольшой домик недалеко от Москвы, я буквально «болела» Чеховым. Мне хотелось играть его пьесы еще и еще! Но как уговорить отца ставить по Чехову, да еще сразу после его «Чайки», где он, преодолев земное притяжение, шагнул на какую-то шекспировскую высоту? Это было невозможно. Не думаю, что отец хотел еще раз возвращаться к Чехову, драматургия которого очень сложна, но благодаря кажущейся внешней простоте быстро скатывается на понятный путь, который можно определить емким профанским «как бы» — как бы думая, как бы переживая. Как бы. Так вот. Я тогда купила пять небольших вишневых деревьев и посадила возле дома. А потом все время показывала их отцу и говорила: «Папа, у тебя свой вишневый сад». И тогда отец решился на новую постановку. Но из чеховской материи отец сделал свой «Вишневый сад», совершенно не похожий ни на какой другой. И я считаю, что это лучший «Вишневый сад» на свете.

Я помню, как отец сидел в комнате, особым образом двигал по письменному столу два листочка и говорил: «Посмотри, как будет здорово!» Я не очень поняла тогда, в чем дело, а оказалось, что листы бумаги — это стены, хрупкие и недолговечные. Стены, которые целый день перед спектаклем возводятся на сцене нашей потрясающей, лучшей во всей Москве постановочной частью театра «Ленком». А в финале спектакля все построенное в «Вишневом саде» разбивается, все стены рушатся — и это так по-русски. И это придумал отец, передвигая легкие листы бумаги на своем столе. Как великий Таиров когда-то.

Центром этого спектакля стал Фирс Леонида Сергеевича Броневского, стали полные иронии монологи, придуманные отцом, и чеховский мир, который получил новое, «захаровское» прочтение. Отец, как всякий крупный художник, все делал легко, привнося в творчество очень много юмора и веселой иронии, без которых, наверное, невозможны ни самопознание, ни жизнь, ни взгляд в будущее.

Меня отец спрашивал, когда ставил «Чайку»: что дальше будет с Ниной Заречной, как думаешь? Я что-то отвечала, не очень-то задумываясь. Но кажется мне, что Нина из спектакля отца, наверное,

пошла бы сестрой милосердия на фронт, а потом попала бы в лагерь... И влюбленный мальчишка Лопахин из «Вишневого сада», конечно же, погибнет в этом бездумном чертовом колесе истории, которое перепашет и нас, теперешних, когда-нибудь.

Думаю, каждый человек хоть единожды, но испытывал ту же боль, что и герои «Вишневого сада», когда в финале, сидя на чемоданах, они видят, как исчезает их мир, как рушатся стены. Спектакль идет всего два часа с антрактом, он с дивной музыкой Рудницкого, в которой есть красота и мольба о милости Божией, помогающей достойно прожить эту жизнь.

«А ВЫ МЕНЯ ВИДИТЕ?»

По милости судьбы я встречалась в жизни с людьми уникальными. У нас в доме бывал Виктор Петрович Астафьев, который рассказывал о деревне Овсянка на берегу Енисея, где он жил, рассказывал о симпатичных, нарядных, подкрашенных девчонках на танцплощадках и мальчишках, которые в тех местах начинают очень рано пить. К нам в дом приходили Андрей Тарковский, Олег Ефремов. Однажды, помню, Олег Николаевич и отец о чем-то разговаривали, а я просто стояла рядом и глазела на них, не слушая, полностью погрузившись в какие-то свои детские мечты. Тут Олег Николаевич на меня посмотрел и говорит: «Сашка, почему ты со мной не здороваешься, а?» — «А вы меня видите?» — удивилась я. У меня было полное ощущение, что меня не видят. Я с детства много общалась с Татьяной Ивановной Пельтцер и помню разные наши совместные истории. Одно из моих детских воспоминаний — это как папа мне привез из какой-то поездки в Югославию пальтишко из искусственной кожи. Оно было лакированное, черное, внизу, на подоле, белый искусственный мех в черную полосочку, и из такого же меха были воротник и манжеты на рукавах. Мне казалось, что я диво как хороша — прямо принцесса. Татьяна Ивановна подошла ко мне и со всей своей женской пронизательностью говорит: «Саня, а кто же тебе такое пальто красивое привез? Кто же тебя так любит-то?» Я помню, что не смогла вымолвить ни слова о том, кто меня так любит.

«БАУШКА» ТАТЬЯНА ИВАНОВНА

Татьяна Ивановна Пельтцер воплотила народную мечту о такой несокрушимой старости, когда мудрость соединяется с дерзкой юностью, — наверное, в каждой российской семье мечтали иметь вот такую прекрасную бабушку. И мне повезло: Татьяна Ивановна, у которой не было детей и которая обожала моего отца, относилась ко мне как к своей внучке и периодически брала надо мной неусыпное шефство.

Однажды отец взял меня с собой в Молдавию на гастроли. Он там с актерами репетировал спектакль по пьесе Иона Друцэ «Хория», а мама еще не приехала, и меня отдали на попечение Татьяне Ивановне. И вот она заговорщицким голосом мне говорит: «Санька, пойдём есть мороженое!» И мы с ней отправились в пустой парк, где

не было тогда ни закусовых, ни кафе, ни ресторанов, а стоял единственный ларек, и на нем русскими буквами написано «Ынгыцата» — мороженое по-молдавски. Татьяна Ивановна деловито извлекла из этого ларька огромные железные мискари, в которых было по килограмму сливочного мороженого, поставила напротив себя и меня и сказала: «Едим на спор! Кто больше съест, тот и выиграл». Я очень обрадовалась, но победила-то, конечно, Татьяна Ивановна, потому что я просто не смогла сожрать столько мороженого, как она. У меня быстро заledenел живот, а она уплела это мороженое за минуту — и была такова. Бросила ложку в плошку и объявила: «Ну все! Я выиграла у тебя, Санька». Вот такая была отчаянная, веселая, уникальная «баушка» — моя подруга. Потом мы в Молдавии пытались с «баушкой» купить книжки. Удивительно, но в кишиневских книжных продавались все драгоценные книги, которые в Москве можно было купить, только сдав тонну макулатуры. Беда в том, что все они — и «Королева Марго», и «Три мушкетера» — хоть и были написаны на кириллице, но

«Господи, Господи, будь милостив, прости мне мои грехи, не наказывай меня больше!» — эта фраза звучит как музыка. Ее произносит Раневская в спектакле «Вишневый сад».

исключительно молдавскими словами. Что-то вроде «Тын-дрын мушкетэра». В общем, наша дружба была крепка и прекрасна, как у этих «мушкетэра».

ОТ СЕРЕЖИ КАРЕНИНА ДО «ПОМИНАЛЬНОЙ МОЛИТВЫ»

Судьба ее удивительна. Она выходила на сцену уже в девятилетнем возрасте — в роли Сережи Каренина. Потом в ее жизни было много разных антреприз и театров. А однажды Татьяну Ивановну уволили за профнепригодность — просто потому, что у нее не было актерского образования. И ни один театр ее не принимал, так что она, тогда совсем юная, работала машинисткой.

В нашем театре Татьяну Ивановну с легкой руки моего отца все называли «баушка», но это было не про возраст, это была, как отец шутил, такая партийная кличка. И она никогда не обижалась на это. «Баушка» пришла в наш театр — тогда еще имени Ленинского комсомола, потом «Ленком», а теперь уже «Ленком Марка Захарова» — после 30 лет работы в Театре сатиры.

Татьяну Ивановну очень любили зрители — такой популярности сейчас нет ни у кого. Она была настоящим полпредом «Ленкома». А «баушка» страшно обожала моего отца. Все это случилось, конечно, не в один миг. Татьяна Ивановна полюбила отца, когда в Театре сатиры вышел его легендарный спектакль «Доходное место». До этого строптивая актриса, бывало, высказывалась: «Как только человек ничего не умеет делать, так он берется за режиссуру» (отец много раз потом говорил, что эта фраза стала подарком ему от Татьяны Ивановны).

А потом на премьеру «Доходного места» пришла Фаина Георгиевна Раневская, с которой Татьяна Ивановна дружила, посмотрела и сказала: «Таня, ты дура! Ты ничего не понимаешь, этот Захаров — гений, и у тебя тут потрясающая работа». Татьяна Ивановна, которая вначале на режиссеров просто для острастки, надела платочек, пришла на служебный вход и сказала: «Марк, как хочешь, — бери!» А ведь ей было 73 года! Какой отчаянный поступок.

При этом серьезность она уравнивала совершенно неповторимым юмором. Помню, как она спрашивает: «Санька, а где этот-то?» — «Кто, Татьяна Ивановна?» — «Ну этот, бегающий все время тут. Как его? Отец-то твой. Как звать-то его?»

И я думаю, что, придя в «Ленком», Татьяна Ивановна продлила свою творческую жизнь — она стала не просто гротесковой комедийной актрисой, она превратилась в трагикомическую актрису. Больше того, ей удалось создать особый социальный тип — ее воспринимали как народную актрису.

Хорошо бы нам дожить до такого времени, когда 80-летние женщины будут встречаться с подругами в ресторане и ездить на шикарных авто.

О, какое у нее было трепетное отношение к сцене! Сцена была для нее святым местом. Я помню, как мы с ней вместе стояли возле расписания репетиций. И я, поскольку меня куда-то пригласили и это было что-то вроде свидания, говорю: «Я, пожалуй, договорюсь, и кто-нибудь выйдет на сцену вместо меня, там все равно никто за спинами не видит». И тогда Татьяна Ивановна очень серьезно сказала: «Саша! Это предательство сцены. Нельзя. Сцена мстит!» Вот такое было отношение. При этом в «Баушке» не было никакого «профессорства» — мол, она «все умеет». Она была вечной ученицей, вечной школьницей. Каждый спектакль для нее был новым началом, она как будто сдавала экзамен. Однажды моя мама спросила Ольгу Александровну Аросеву: «А какой Татьяна Ивановна была в молодости?» — «А она не была молодой, она всегда такая была», — ответила Ольга Александровна. Действительно, много играть Татьяна Ивановна стала только после пятидесяти, но и в свои семьдесят и в восемьдесят она была восхитительно молода душой. Боже, когда мы праздновали ее 80-летие, «Баушка» вспорхнула на сцену в три прыжка, легко, аки воздушная Уланова.

ГАНС

У истинно русской актрисы не было ни капли русской крови — мать была еврейка, а отец немец. И Пельтцер еще до войны вышла замуж за немца по имени Ганс и уехала с ним в Германию. А тут приехал в Германию директор какого-то нашего автозавода да и обольстил нашу Татьяну Ивановну. Она влюбилась. Влюбилась — и не пришла вовремя домой. Оскорбленный муж запер дверь, и она металась по улицам, прячась по подворотням от патрулей, поскольку немецкие власти ввели комендантский час.

Когда Татьяна Ивановна рассказывала моим родителям эту историю, я заинтригованно спросила: «Так вы что же, проституткой были?!» Татьяна Ивановна под хохот взрослых жутко обрадовалась: «Была, деточка, была проституткой!» А когда я ее зачем-то спросила про Гитлера, которого она видела живьем, она сказала, что как мужчина он ей совсем не понравился.

С Гансом они, кстати, дружили потом долгие годы. Он приезжал к ней в Москву со своим очень взрослым сыном. Помню, мы ее увидели какую-то очень красивую, по-особенному причесанную, она очень нервничала и говорила: «Ой, Гансичек приехал». Они и с женой Ганса дружили, и к его сыну она относилась как к своему ребенку. Это было так трогательно. Ее любви хватало на всех.

«НИНА, Я УМИРАЮ, СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ!»

Звонит как-то Татьяна Ивановна к нам домой и говорит матери:

«Нинка! Я умираю, приезжай попрощаться». Мать в ужасе накинула

на халат какое-то пальто, схватила меня маленькую, и прямо так, в тапках, мы побежали через дорогу, купили в кондитерской какой-то торт, какой-то цветок в горшке — видимо, обычные цветы не продавались — и помчались к метро «Аэропорт», где жила Татьяна Ивановна. Прилетаем, звоним в дверь, мать уже зеленая, дверь открывает Ольга Александровна Аросева — а там у них накрыто! На столе коньяк, колбаса, шпроты,

лимончик нарезан! И только мама приготовилась сказать все, что она думает, как Татьяна Ивановна ее тут же обезоружила: «Нинка, ну а как тебя еще вытащить из дома!»

При всей своей размашистой, бесшабашной русскости, при всем азарте — а Татьяна Ивановна могла ночь напролет играть в какой-нибудь компании в преферанс, и дома на каждом углу у нее лежали колоды карт — в ней была немецкая педантичность. Она возила на гастроли салфеточки, тарелочки, ложечки, и все это было ею упаковано в аккуратные торбочки и коробочки, во всем и всегда у нее была стерильная чистота.

Она и выглядела всегда, даже в самые застойные времена, как-то очень по-европейски. Я это потом поняла, когда мы поехали в Германию на гастроли и наша «Баушка» совершенно слилась с немецкими пожилыми фрау.

Уже после ее ухода, когда отца лечили в сердечной клинике под Мюнхеном, мы пошли с ним на прогулку и зашли в небольшой рыбный ресторанчик. А там смотрим — за соседним столом сидят человек одиннадцать таких Татьян Иванн Пельтцер. Волосы у всех седые, чуть голубоватого оттенка, и все они такие же веселые, как наша «Баушка». Отец этих старушек звал Снегурочки. Они сидели за столом, кто с вином, кто с пивом, потом позвали официанта, каждая заплатила за себя, официант предложил им по рюмке шнапса от хозяина ресторана, они выпили — и каково было наше потрясение, когда все эти Снегурочки, выйдя из ресторанчика, сели каждая в свой «мерседес» или «БМВ» и разъехались по домам. Хорошо бы нам дожить до такого времени, когда 80-летние женщины будут встречаться с подругами в ресторане и ездить на шикарных авто.

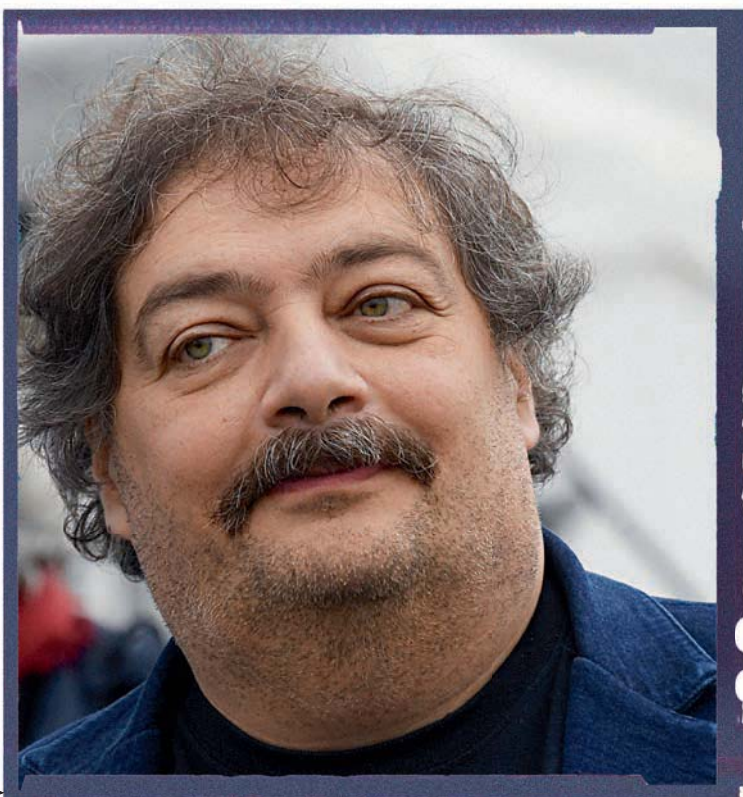

Уходя из жизни, Татьяна Ивановна завещала отцу свою библиотеку. Часть этих книг сейчас в библиотеке отца в нашем доме, а еще часть — в его библиотеке, которая находится в мемориальном кабинете в его театре.

Закончить эту историю про милость небес, которая нам выпадает в жизни в виде встреч с уникальными людьми, мне бы хотелось

«Вишневым садом». Наш спектакль посвящен Олегу Ивановичу Янковскому. Последний спектакль, который он репетировал, был наш «Вишневый сад». И мне бы очень хотелось попросить: Господи, будь милостив, побереги этот спектакль. Сейчас он живой, он собирается как джазовый оркестр, и он всегда разный, как и учил нас Захаров. Сейчас «Вишневый сад», наверное, лучший спектакль на сцене «Ленкома», пусть он поживет. **10**

Лев Зимой

текст: дмитрий быков рисунок: вивиан дель риа

Писатель Дмитрий Быков видит стариков, которым Божьей милостью послано много, иногда очень много лет, — и останавливается перед ними в объяснимом почтении, и даже зависть чувствуется к этим великим старикам, и между прочим, тоже объяснимая. И вот они, в этой колонке, один за другим.

«ЧЕЛОВЕКУ от Бога положено семьдесят лет, при большой крепости восемьдесят, а что свыше — уже Божья милость» — такой комментарий на 89-й псалом читал я у кого-то из святых отцов. Между тем восприятие старости как милости — большая редкость, и не только в России, где уделом многих стариков оказывается нищета, а и в мире, где главным бичом постепенно становится Альцгеймер. У нас до него попросту не доживают. Великий художник и мультипликатор Леонид Шварцман, когда я с ним делал интервью к его столетию, — сейчас ему 102, дай Бог здоровья, — эlegantный колкий старик без тени дряхлости — заметил, что еврейское пожелание «до 120» звучит, скорее, как проклятье: трудно, очень трудно, к непрерывным физическим страданиям добавляются нравственные разочарования... Счастливая старость вообще почти оксюморон. Над этим феноменом задумывается умная, едкая Гиппиус в очерке «Благоухание седин», о стариках времен русского декаданса, последышах золотого века, заставших и благословивших серебряный. «Если благоухали в старости их седина, не оттого ли, что зерно религиозной правды тайлось в душе каждого?» Это, конечно, однобокое объяснение — знал я и атеистов, или по крайней мере агностиков (в старости, как в окопах, атеистов нет), остававшихся вполне в уме и не скатившихся в непрерывное брюзжание. Что было залогом этого душевного здоровья — иногда при совершенном превращении в руину? Мне повезло, большинство моих учителей оставались со мной долго, — создательница «Ровесников» и ветеран детского радиовещания Лилиана Комарова, воспитавшая почти всю элиту нынешней российской журналистики, прожила 92 и до последних дней живо интересовалась всеми новостями, за неделю до смерти обсуждала со мной дебаты Навального со Стрелковым; она, чтобы не впасть в маразм, постоянно разгадывала кроссворды (и, разумеется, слушала радио — от телевизора, говорила она, немедленно начинается удушье). Леониду Зорину было 95, и в год он публиковал по две новых повести — разнообразных и по стилю, и по тематике. Петр Горелик, друг Слуцкого и Самойлова, ветеран войны, взявший автограф у Пастернака под Орлом во время его фронтовой командировки и донесший эту книгу до Берлина (я держал ее в руках!), в 90 начал писать исторические повести и за пять оставшихся ему лет издал четыре, очень увлекательных, без признаков старческой дидактичности. Новелла Матвеева прожила 86, до последнего дня сохранив ясный и едкий ум. Документы об ее истинном возрасте — 1930 год рождения вместо 1934-го — нашел племянник только после смерти. А разбирая ее черновики последних лет, нашел я, например, вот такое — публикую впервые:

vivian del rio

И делами, и словами донкихотствую — и что ж?
 Разговаривая с вами, дон-чаотку наживешь.
 Не с конями великанов, а с тенями их коней,
 Не с тенями великанов, а с тенями их теней
 Бой держу — и Дон Кихоту я завидую по-братски:
 У него-то, Дон Кихота, были все-таки поблажки.
 Были мельницы, крестьяне, постоялые дворы —

Недостаточно для яви, но довольно для игры.
 Хоть свинья копыя не стоит, и меча не стоит мул,
 Как проткнешь свинью — усвоишь: что-то твердое проткнул.
 У меня же только мимо каждый выпад, каждый взмах!
 Свинство здесь неуловимо, как дыхание херувима,
 Как мечта, как дух... Узнав
 И усвоив это снова, в бедный лагерь свой вернусь,